

УДК 323.1:316

М.М. Мчедлова
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС СЕГОДНЯ: РАКУРСЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

МЧЕДЛОВА Марина Михайловна — д. филос. н., профессор, ведущий научный сотрудник ИС РАН. E-mail: mchedlova@gmail.com.

В статье рассматриваются методологические и дискурсивные проекции присутствия национального вопроса в современном российском обществе. Особое место занимают возможности снятия деструктивного потенциала политизации этничности, поиска объединительных оснований, перевода этнокультурного фактора из проблемного в разряд стабилизирующих социально-политическую систему.

Ключевые слова: национальный вопрос, политизация этничности, российская цивилизация, идентичность, культура.

Электоральный цикл накладывает заметные отпечатки на политический дискурс, основной целью которого является мобилизация населения для политического участия. В числе основных аттракторов политической риторики и предвыборных баталий — национальный вопрос. Его сегодняшняя злободневность и осязаемость в повседневной жизни, социальных срезам, межличностных отношениях становится болезненным стержнем для общества и объектом пристального внимания политиков. Причем это не только реалия сегодняшнего дня — в поворотные моменты истории он всегда вставал — в виде партийных идеологий, государственной политики, выплеска негативной «социальной энергии» и т.д. В ток-шоу «НТВешники» от 12 февраля 2012 г., посвященном национальному вопросу и называвшемуся несколько двусмысленно «Национальный интерес», на вопрос о национальной принадлежности президента России 66% присутствующих ответили, что он должен быть только русским. Если обратиться к цифрам десятилетней давности, то 48,7% русского населения страны в 2000 г. считали, что «все народы равны, но президентом пусть будет все-таки русский». При этом 51,3% в данном отношении были достаточно индифферентны [14]. В 2004 г. доля опрошенных, отрицательно отнесшихся бы к нерусскости президента, составила 58,1% против 44,9% в 1998 г. [3]. По историческим меркам, даже учитывая такую сегодняшнюю атрибуцию современности, как постоянный качественные изменения, 10 лет — все-таки не слишком долгий срок, особенно по отношению к наиболее устойчивым формам человеческого общежития. Что же произошло? Какие смыслы, настоящие и потенциальные, несет в себе нынешняя актуализация данной проблематика.

Представляется значимым выделение ряда моментов, взаимоналожение которых порождает разнообразие суждений, мнений, представлений, отсутствие конвенции относительно хотя бы общего знаменателя для существующих интерпретативных схем. Эти моменты носят неравноположенный и нехронометрический характер. Во-первых, необходимо отметить возникновение нового качества социальности. Современные тенденции развития

© Мчедлова М. М., 2012

социально-политической реальности, которые в совокупности можно охарактеризовать как глобальный социально-политический и социокультурный сдвиг, потребовали видоизменения концептуально-понятийного поля и научного аппарата современных социально-политических теорий, требуя включения в анализ внешних, неэкономических факторов: культурных, цивилизационных, социальных и антропологических характеристик общества. Во многом именно социокультурная составляющая становится главной интенцией политических практик и дискуссий, относительно видоизменения референтов понятий и смыслов социальности, а также параметров методологических схем и выбора критериев истинности как в гуманитарной рефлексии, так и в политических стратегиях. Нестационарность современности, выраженная универсализация и замена под действием глобализационных процессов традиционных символических структур новыми вызвали защитную реакцию социокультурных общностей, выражаемую в стремлении поддержания идентичности. В ее основе лежит консолидация общности и составляющих ее индивидов вокруг культурно-ценностной матрицы, которая на протяжении жизни многих поколений обеспечивала устойчивость и выживаемость, которые «без общих понятий и целей, без разделяемых всеми или большинством чувств, интересов не могут составить прочного общества» [6].

Во-вторых, встает вопрос об интерпретации возвращения в политическое пространство современности этнического и конфессионального вопроса. Резкое обострение межнациональных и межкультурных конфликтов приводит к возникновению новых форм детерминации политического самоопределения и политической субъектности, когда этническое или религиозное основание становится необходимым и достаточным условием для политических деяний. Речь идет не только о деструктивных формах, таких как экстремизм или терроризм, но и об алгоритмах публичной политики. Смыслонадеждающим вектором и одновременно легитимирующим фактором выступают не референции «третьей волны», а плюральные основания социокультурного многообразия. При этом основной методологической проблемой выступает правомерность аффирмативности множества способов бытийности, а также квантификации и глубины различий, лежащих в основе данного множества, инициируя поиски объяснительных конструкций применительно к социально-политическому контексту. Вопрос о плюральности как качественной характеристике современности гносеологически перекрещивается с необходимостью изучения роли и места традиции и традиционализма в современном мире в их различных проявлениях, а также связанных с ним «квазинеподвижных» (Ф. Бродель) аскриптивных форм идентичности — этнической и религиозной.

Таким образом, в гуманитарной рефлексии следует обозначить проблему пересмотра политического метанарратива модерна и основанных на нем алгоритмах публичной политики «каждой нации — свое государство», вызванного возникшим противоречием между первым и социокультурным разнообразием современности. В более широком контексте философско-политической эпистемологии можно поставить вопрос о деконструкции универсальных схем объяснения политического процесса и связанных с ним политических практик и способов легитимации политических действий.

Второй момент — связь национального и политического. Процесс самоидентификации любого политического пространства, будь то нация-государство либо наднациональное объединение вроде Европейского союза, как правило, имеет темпоральное и

пространственное измерения: любое политическое «мы» нуждается в общей истории и в той или иной совокупности представлений о внешнем мире.

Обязательно еще и третье — этическое и идентичностное — измерение, потому что в основе объединения людей вокруг политических целей всегда лежат представление об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего с определенной системой ценностей, которые и служат основой политического единства. По словам В. Ключевского, «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических...». Дискурс этнокультурной проблематики, вплетающейся в политику, является следствием не только сложных перипетий, которые пережила отечественная история. Это связано и с тем, что социокультурная доминанта возвращается в политику как онтологическое основание и уже этнокультурные различия становятся легитимацией определенных политических практик. Политическое оказывается политическим путем приписывания ему религиозных или этнических значений, элиминация этнической проблематики из осмысления происходящих политических процессов невозможна. По данным исследования Института социологии РАН 2011 г., 79% разделяют мнение, что «в наше время человеку нужно ощущать себя частью своей национальности», а 82% отнесли себя к тем, кто «никогда не забывает о своей национальности». Предыдущие исследования 1990-х гг. даже в республиках, где русские более тесно контактируют с людьми других национальностей, не фиксировали таких высоких показателей потребности в аффилиации [4]. При этом одновременно 47% отвечают, что редко задумываются о том, кто они по национальности. Подобная ситуация отражает потребности в формах солидарности, на фоне упадка собственно политических форм. Кризис политического участия, потеря структурирующей роли традиционных политических и гражданских форм солидарностей и мобилизаций, кризис доверия к политическим формам организации общества, политическим институтам и политическим элитам заставляют обращаться к наиболее устойчивым формам солидарности — этничности и религии. Современная инверсия политических и неполитических сфер социального бытия способствует политизации этничности. К данному контексту следует отнести довлеющее в идеологических и теоретических построениях и, тем более, политической риторике приписывание национальному фактору разделительное и конфликтное значение в духе концепции «столкновения цивилизаций», однозначно переводящее этничность в разряд конфликтогенных факторов. Звучащие сегодня дискуссии в фокусе своего внимания имеют все-таки этно- и религиомаркирующие акценты. А ведь это может свидетельствовать и о болезненных, извращенных формах национализма, когда «национальное чувство прилепляется к неглавному в жизни и культуре своего народа» и когда «оно превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой» [5]. На наш взгляд, следует взглянуть на обострение национального вопроса с другой стороны: каким образом вписать этнокультурный фактор в политические практики, как из проблемного ресурса перевести его в разряд стабилизирующих социально-политическую систему.

В данном векторе следует рассматривать и статью В. Путина о национальном вопросе. В многочисленных откликах, комментариях и размышлениях обсуждаются сюжеты пересечения национального и политического, многонационального устройства России и построения гражданской нации, вопрос о русском культурном ядре, проблема миграции. При этом идеологический спектр интерпретаций варьируется от педалирования национальных интересов собственно русского народа (Д. Рогозин) до обвинений в отсутствии целостной

национальной политики и отходе от либералистских моделей (А. Верховский), во многом воспроизводя давнюю дихотомию западники/славянофилы [2, 7, 13]. Однако доминирующим является разделительный дискурс.

Прекрасно понимая разнообразие конкурирующих политических интересов, в таком деликатном вопросе хотелось бы сделать акцент на том, что объединяет, что снимает конфликтность, деструкцию. Мне хотелось бы остановиться на одной идее из статьи В.В. Путина, практически не попавшей в экспертные комментарии и отклики: на концепции российской цивилизации. Проблема определения цивилизационного статуса России рассматривается в ряде проекций — от внешнеполитической до религиозной, от философской до сугубо идеологизированной, однако сама точка концентрации многочисленных дискуссий очевидна — специфика российского общества, воспроизводящаяся на протяжении длительного исторического времени. Оценки данной специфики могут быть как положительными (О. Платонов, В.В. Кожин, А.С. Панарин), так и отрицательными — «русская система», «русская колея» [1, 11, 12], вплоть до отрицания самой такой специфики. По нашему мнению, Россия представляет собой предельно-широкую социокультурную общность, имеющую культурно-цивилизационное основание, более устойчивое, чем социальные и политические инновации. Поэтому специфика исторически преходящих политических и социальных организмов будет обуславливаться не привнесенными проектами или желаемыми целями, а глубинным фундаментом, являющимся реальностью «большой длительности» (*réalité de longue durée*, по Ф. Броделю) [16]. Во многом данные методологические координаты позволяют объяснять специфику многонациональной и многоконфессиональной организации российского общества, а также предлагать объяснение процессам, не поддающимся адекватной интерпретации в рамках универсалистских политических схем. В полной мере такой подход отражен в словах Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «Пришедшее с Запада слово "толерантность" в полной мере не отражает уровень добрососедства, который с давних пор существовал в России и странах бывшего СССР. "Толерантность" — это западное слово и западное понятие. Может быть, хорошее понятие, но мы здесь, на Востоке, больше, чем толерантны: мы не только терпимы друг к другу, мы научились жить друг с другом, разделять скорби, поддерживать, быть солидарными друг с другом» [10]. Одновременно, параметры российской цивилизации позволяют акцентировать необходимость надэтнических и надрелигиозных, а именно цивилизационных, идентификационных проектов, способных цементировать социальное пространство.

Во многом эффективность данных проектов подтверждается социологическими исследованиями. По данным проведенного в 2006–2007 гг. Центром «Религия в современном обществе» Института социологии РАН исследования, от 85 до 94% опрошенных высказались за неприемлемость насильственных методов в отношении лиц другой религиозной принадлежности. Подавляющее большинство опрошенных не видят препятствий во взаимодействии с лицами, принадлежащими к другим мировоззренческим и религиозным традициям в различных сферах общественной жизни [9, р. 289]. Однако можно проследить тревожные тенденции, представляющие угрозу для полинациональной и поликонфессиональной стабильности. Так, согласно исследованию ИС РАН 2006–2007 гг., утверждение «Россия — для русских» поддерживают всего 7,6% православных и 16% неверующих, тогда как тезис «Россия — общий дом многих народов» подавляющее большинство представителей основных конфессий, 52,6% православных, 52% неверующих [9].

р. 380]. Однако в исследовании 2011 г. выявились установки и настроения, демонстрирующие негативные тренды. Доля поддерживающих утверждение «Россия — общий дом для многих народов» опустилась до 47%, тогда как доля тех, кто полагал, что «Россия — многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав», выросла вдвое (с 14 до 31%), а вместе с теми, кто считает, что «Россия должна быть государством русских людей», они составили 45% (25% в 1995 г.) [4]. Наиболее ярко выражены националистические настроения у молодежи и малообразованных людей. В политическом пространстве это проявляется не только в агрессивных поведенческих алгоритмах, но и в открытой демонстрации взглядов, в которых отражается еще одна опасная сторона политизации национального вопроса — деструктивные формы срочности национального и религиозного, веры и этноса. В идеологическом поле педалируются противопоставления православия и ислама и акцентации ипостаси «врага» по отношению к исламу, что никак не вяжется с либеральной концепцией замены в демократической плюралистической культуре «чужого» на «другого». В ходе массового опроса Института социологии РАН на вопрос об отношении православных христиан и мусульман друг к другу были получены следующие ответы: среди российских мусульман доминирует положительное отношение к православным верующим, о чем заявили 77,7% опрошенных, тогда как отрицательное отношение выразили лишь 2,8%. Принципиально иную картину мы наблюдаем в православной группе, где положительное отношение к мусульманам отметили только 24,8%, а отрицательное — 32,0%. Особенностью действия социальных факторов в сфере межэтнических отношений является наложение напряжений в одной области на другую. Само по себе различие в материальном положении существенно не меняет межэтнические установки людей: этнический негативизм у одних исходит из поиска козла отпущения — кто-то виноват в наших бедах и чаще всего это иные, те, «кто понаехали» или «враги из-за бугра», а у других негативизм возникает от ощущения конкуренции в сфере деятельности, сравнения, кто больше преуспел.

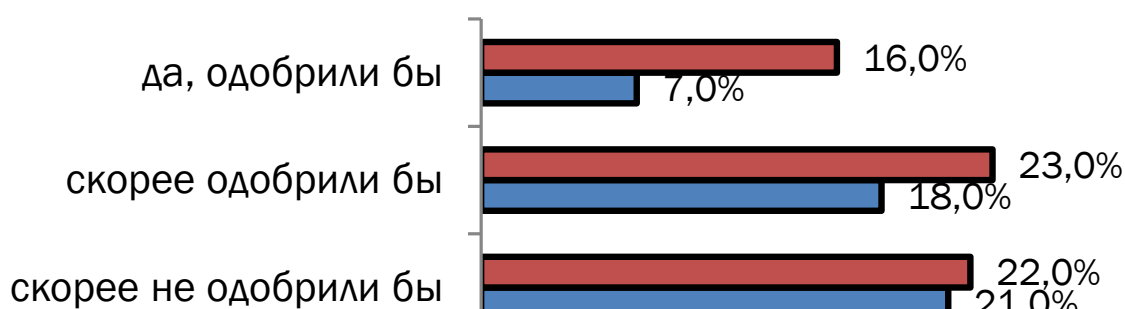

Рисунок 1 – Одобрили ли бы Вы или не одобрили принудительное выселение представителей каких-то национальностей из Вашего города (села)?

При этом доля людей, которые одобрили бы принудительное выселение каких-то национальностей, в группах, оценивших свое материальное положение как хорошее, удовлетворительное и плохое, отличается на 5–8% (при возможной ошибке выборки в 5% это немного). Но если сравнивать такие настроения по типам поселения, то в мегаполисах их разделяют 63%, в областных центрах — 38%, а в селах — 32%. В селах живут, конечно, не

лучше, чем в мегаполисах, но в мегаполисе сильнее социальные контрасты, больше демонстрации богатства и, естественно, социальных сравнений и этнических.

Хотелось бы остановиться только на двух моментах, способных сыграть консолидирующую роль — конструктивном историческом опыте и культуре, что кажется вроде бы очевидным и банальным, но на самом деле грамотная целенаправленная государственная политика, задействующая каналы воспитания и социализации, апеллирующая к объединительным архетипическим структурам, способна помочь справиться и в политической, и в межличностно-повседневной проекции с потерей объединяющей идентичности, выражающейся в том числе и в националистических политических интенциях. Единая историко-политическая судьба многих этносов и конфессий сплеталась в историю государства, а соработничество, военное братство, жизнь бок о бок создавали каркас российской цивилизации, основу повседневной жизни и способов мысли. Ярким примером боевого братства русского православного и мусульманских народов России стала Отечественная война 1812 г. Уже 8 августа 1812 г. последовал указ императора Александра I «О формировании башкирских полков», в соответствии с которым в ходе войны было сформировано 28 башкирских, 2 тептярских, 2 мишарских конных полка. Эти воинские формирования приняли участие практически во всех сражениях с войсками Наполеона Бонапарта 1812–1814 гг. Характерный пример: 1-й Башкирский полк был в составе казачьих частей, первыми вступивших в Москву после ее оставления наполеоновской «Великой армией», и предотвратил попытку французов взорвать Кремль. К сожалению, оккупанты успели повредить взрывами Донской монастырь. Всадники 1-го Башкирского полка (мусульмане) собрали на восстановление разрушенного 4 тыс. рублей (штатный состав башкирского конного полка составлял 530 человек, включая полкового муллу, а ежемесячное жалование рядового всадника было 1 рубль). Особо отличились башкирские полки в знаменитой «битве народов» под Лейпцигом 4–7 октября 1813 г. Названия башкирских полков в числе других частей русской армии были увековечены в мемориальных надписях на стенах храма-памятника на месте сражения.

Другой исторический пример — переплетение личных судеб представителей различных конфессиональных традиций в России. Особенно показательна судьба сыновей имама Шамиля, апелляция к личности и деяниям которого является одним из столпов террористической идеологии на Северном Кавказе.

Имам Шамиль имел трех сыновей — Кази-Магомета, Шафи-Магомета и Джамалэддина. Младший сын Джамалэддин после взятия русскими войсками первой столицы Шамиля аула Ахульго оказался в русском плену. По распоряжению Николая I он был отдан на обучение в Пажеский корпус, а по его окончании поступил на службу в лейб-гвардии Уланский полк. В этом полку традиционно проходили службу сыновья мусульманской знати Кавказа и Казахстана. Их было так много, что на обедах в полковом офицерском собрании никогда не подавали кушаний из свинины. Джамалэддин дослужился до чина поручика, хорошо овладел французским языком и был непременным участником всех великосветских балов. У него уже была русская невеста — Елизавета Оленина, внучка директора Императорской публичной библиотеки и президента Академии наук А. Оленина. Однако в 1853 г. Шамиль предпринял поход на Грузию, чтобы соединиться с турецкой армией, пытавшейся прорваться в Закавказье. Это ему не удалось, но во время похода его воины захватили в плен семьи грузинских князей Чавчавадзе и Орбелиани. В обмен на них Шамиль потребовал вернуть ему

сына. Государь не хотел ссориться с грузинской знатью и вынужден был согласиться на это. По возвращении к отцу Джамалэддин вскоре умер от тоски по России, Петербургу и своей невесте. Два других сына Шамиля вместе с ним сдались фельдмаршалу Барятинскому в ауле Гуниб в августе 1859 г. Кази-Магомет сопровождал отца во время его хаджа в Мекку в 1871 г. и после его смерти в Россию не вернулся. Он стал генералом турецкой армии, принял активное участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., предприняв попытку прорваться на Кавказ, где уже готовилось восстание в его поддержку. Другой сын Шамиля Шафи-Магомет остался в России и стал генералом русской армии.

Подобные эмоциональные и исторические примеры, сплетаемые в единую идею, могут выстраивать основы общественной солидарности, концентрирующей себя вокруг единой исторической судьбы всех конфессий, народа и самого российского государства.

Культурное основание любого общества включает ряд параметров, среди которых особая роль принадлежит нормативной регуляции и искусству. Первая не позволяет перешагивать определенные границы, конкретизируемые как в моральных императивах и обычаях, так и в гражданско-правовых аспектах. Искусство — и высокое, и массово-развлекательное — в концентрированном виде являет идеалы и ориентиры общества, его связующие моменты по временным и пространственным параметрам. По данным исследования ИС РАН, безусловным лидером не только кинематографических, но и культурных предпочтений вообще во всех группах выступает старое советское кино, старая советская эстрада: за нее высказалось свыше 80% вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности. С небольшим отрывом за ней следуют народная и русская классическая музыка. Лидером среди литературно-художественных предпочтений выступает русская классическая литература [8].

Хор из оперы Дж. Верди «Набукко» «Лети, мысль, на крыльях золотых» заменяет итальянцам национальный гимн. После объявления о сокращении расходов на культуру в условиях жесткой экономии 12 марта 2011 г. живой классик Р. Мути прервал оперу для того, чтобы зал спел этот гимн вместе с хором, объяснив, что Италия может потерять свою национальную идентичность — классическую оперу, и тогда она превратится «в красивую и потерянную родину» из оперы. На следующее утро министр экономики после встречи с дирижером и мэром столицы пообещал пересмотреть запланированные сокращения. Слушая вальс «Амурские волны» в исполнении ансамбля им. А.В. Александрова или «Выйду ночью в поле с конем» в исполнении хора Сретенского монастыря, становится понятно, что идентичность невозможно уловить на уровне рефлексии, судя по реакции зала, разделяемой всеми без исключения и вне зависимости от национальности и вероисповедания. Осознание единства культурного поля в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Россия, выявление общих ценностных регуляторов, точек соприкосновения последователей различных этнических и вероисповедных традиций могут служить исходным пунктом межнационального согласия. Однако какую же песню надо спеть?

Литература

- 1 Азуан А. Национальные ценности и модернизация. М. : ОГИ : Политру, 2010.

- 2 Верховский А. Программа по «национальному вопросу»: первая реакция // СОВА : информ.-аналит. центр : [веб-сайт]. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2012/01/d23474>.
- 3 Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить? : (1998 –2004 гг.). М., 2004. С. 96.
- 4 Двадцать лет реформ глазами россиян : (опыт многолет. социолог. замеров) : аналит. доклад : (подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Рос. Федерации // Институт социологии Российской академии наук : официал. сайт. 2011. С. 208. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html.
- 5 Ильин И. А. О русском национализме : сб. статей. М. : Рос. Фонд Культуры, 2007. С. 37.
- 6 Ключевский В. Сочинения. В 9-ти т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М. : Мысль, 1988. С. 41.
- 7 Маркедонов С. В поисках дружбы народов: версия Владимира Путина // Политком.ru : информ. сайт. полит. коммент. 2012. 24 янв. URL: <http://www.politcom.ru/13199.html>.
- 8 Мчедлова М. М., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Религия и общество в России : межконфессион. отношения и противодействие экстремизму // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Ин-т социологии Рос. акад. наук. 2009. Вып. 8. С.343–354.
- 9 Мчедлова М. М. Устойчивость российской цивилизации: испытание толерантностью // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Ин-т социологии Рос. акад. наук. 2008. Вып.7. С. 374–389.
- 10 Патриарх Кирилл рассказал, что один из первых уроков толерантности ему преподнес узбекский гаишник // Интерфакс : [веб-сайт]. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=35306>
- 11 Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. “Русская система” как попытка понимания русской истории // Полис. 2001. № 4.
- 12 Пивоваров Ю. С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М. : Рос. полит. энцикл., 2006.
- 13 Рогозин Д. О. Русский ответ Владимиру Путину // Известия : [веб-сайт]. 2012. 31 янв. URL: <http://www.izvestia.ru/news/513702>.
- 14 Россия на рубеже веков. М., 2000. С. 225.
- 15 Россия: национальный вопрос // Актуальные комментарии : [веб-сайт]. 2012. 23 янв. URL: <http://actualcomment.ru/theme/2178>.
- 16 Braudel F. Ecrits sur l’histoire. Paris, 1969